

Н. В. Калиберда
Днепропетровск

СЕМАНТИКА КОСТЮМА И СЮЖЕТ В РОМАНЕ С. РИЧАРДСОНА «ПАМЕЛА, ИЛИ ВОЗНАГРАЖДЁННАЯ ДОБРОДЕТЕЛЬ»

У статті проаналізовано поетологічну функцію костюмної деталі у романі С. Річардсона «Памела, або Винагороджена добродичність». «Мова одягу» важлива для письменника, допомагає виразно відтворити світ повсякденності, в якому мешкають центральні герої. Тема сукні, що різноманітно представлена у творі, також обіграється і в сюжеті. Це і річ, і знак певних стосунків між дійовими особами драми, що розгортається у маєтку багатого сквайра, а також спосіб впливу на більш залежного за соціальним статусом персонажа через ситуацію дарування, спокуси, а потім після гідно пройденого випробування – великодушної винагороди.

Ключові слова: портретно-костюмна деталь, «мова одягу», мотив сукні, характер, сюжет.

В статье анализируется поэтологическая функция костюмной детали в романе С. Ричардсона «Памела, или Вознагражденная добродетель». «Язык одежды» важен для писателя, помогает отчетливо воссоздать мир повседневности, в котором обитают центральные герои. Тема платья, разнообразно представленная в произведении, также обыгрывается и в сюжете. Это и вещь, и знак определенных отношений между действующими лицами драмы, разыгравшейся в поместье богатого сквайра, а также способ воздействия на более зависимого по социальному статусу персонажа через ситуацию дарения, искушения, а затем после достойно пройденного испытания – великодушного вознаграждения.

Ключевые слова: портретно-костюмная деталь, «язык одежды», мотив платья, характер, сюжет.

In the present article the poetological function of a suit detail in S. Richardson's novel "Pamela, or Virtue Rewarded" is analyzed. The «language of clothes» is important for the writer, it helps distinctly to recreate the world of daily routine, in which the central heroes dwell. A reference to the clothes of a character is not only the attempt of depictive description of reality, the studying of the manners of people, belonging to different social strata, but also the intention to deepen the portrait characteristics of a literary image. The theme of clothes, variously presented in the work, is also mirrored in the plot. It is both a thing and a sign of certain relations between the characters of the drama, performed in the manor of a rich squire, and it is also a means of influence on a more dependent on social status character through the situation of favoring, temptation, and then after the worthy passed trial – a generous reward.

Keywords: a portrait-suit detail, «the language of clothes», a motif of clothes, a character, a plot.

Героиня знаменитого романа С. Ричардсона (1740), шестнадцатилетняя Памела Эндрюс (Pamela Andrews) изначально поставлена в двойственные обстоятельства, и только ее молодость, чистота и детское простодушие смягчают драматизм восприятия тех событий, которые ей придется пережить. Памела сразу же обозначит в первом письме трудность

существования в доме сиятельных господ, куда ее забросил случай, нужда, долги родителей, и откроет читателю нестабильность своего положения, и душевного, и социального, которое, с одной стороны, приносит большую тревогу, а с другой – дает надежду на улучшение: “...great trouble and some comfort...” пока определяют ее состояние, и непроясненность, зависимость, униженность, те черты, которые сопровождают девушку в ее оценке того, что случается с нею на неблагоприятном отрезке жизни, в котором ей суждено выстоять и найти верные решения ситуаций, встающих перед нею. Будучи двенадцатилетним подростком, она взята в услужение в богатую семью, и, став воспитанницей и почти «дочерью» хозяйки, Памела, к несчастью, лишается своего покровителя. Ее добрая госпожа, обучившая девушку письму, умению вести хозяйство, исполнять обязанности экономки, позаботилась о том, чтобы Памела не только освоила ремесло белошвейки, но и многие другие премудрости, которые были необходимы для девушки, получившей хорошее воспитание (“...my lady's goodness had put me to write and cast accounts, and made me a little expert at my needle, and otherwise qualified above my degree...”) [17, p. 43]. Внезапная болезнь приводит к катастрофе, благородная женщина покидает этот мир, осиротеет не только дом, близкие, но и вся челядь, искренне любившая и почитавшая свою защитницу (“...lady ... left us all much grieved for the loss of her; for she was a dear good lady, and kind to all us her servants...”) [17, p. 43]. В права наследования вступает ее сын, молодой сквайр, и поначалу его поведение безупречно, он – истинный джентльмен, щедрый, казалось бы, достойный наследник своей матери.

Памела пока еще не догадывается, какие испытания сулит ей судьба, хотя она и встревожена, но вскоре затеплится хрупкая надежда на возможность существовать в будущем достойно и пройти свой жизненный путь, помня о христианских ценностях и добродетелях, которые ей привили родители (“...my dear father and mother, be assured, that, by God's grace, I never will do any thing that shall bring your grey hairs with sorrow to the grave...”) [17, p. 47].

Характер героини, ее мир открываются читателю постепенно. Автор выстраивает образ юной служанки, пространство, в котором она существует, ненавязчиво. И заинтересованный читатель, погружившись в переписку Памелы и любящих ее родителей, восстановит для себя предысторию героини, узнает об их бедственном положении, достойном, образованном отце, Джоне Эндрюсе, и у него возникнет представление о ее внешнем облике, о том, как время и любовь ее благородной хозяйки изменили Памелу, превратив в истинную красавицу с достойными манерами, это даже заставляет отца усомниться в том, что Бог ему подарил такую дочь: “...six months since, when I saw you last, I should have thought so myself, if you was not our child“ [17, p. 45]. Памелу переполняют чувства благодарности, память о хозяйке и признательность новому великодушному господину, но в то же время с горечью она заметит, что «Провидение не оставило ей выбора, оно не позволяет ей желать многого» (“But Providence will not let me want”) [17,

р. 44]. Она растрогана особыми чувствами к ней ее дорогой покровительницы, смущена вниманием и расположением, которые оказывает ей молодой джентльмен, и одновременно вынуждена постоянно думать о земных проблемах, деньгах, жаловании, которое позволит ей сохранить независимость и помочь родителям. По замечанию М. Дуди, Памела Эндрюс – одна из первых героинь-тружениц в английской литературе (“...the first important heroine in English fiction who works for a living”) [6, p. 13]. Она наивна, простодушна, но, как ей представляется, весьма предусмотрительна. Памела сообщит отцу и матери о предосторожностях, которые ей позволят передать им посылку через сопровождающего в разъездах сквайра господского лакея Джона (“...I send them by John, our footman, who goes your way: but he does not know what he carries...”) [17, p. 44].

Казалось бы, вступление в права нового хозяина Бэдфордшира не сулит его обитателям трудностей, отношения со слугами он устанавливает добрые и справедливые (“...For my master said, I will take care of you all...”; “... God bless him! ... for he has given mourning and a year's wages to all ... servants...”) [17, p. 43]. Памела находится на особом положении, и сквайр Б. выделяет ее среди челяди (“...he gave me with his own hand four golden guineas, and some silver ... and said, if I was a good girl, and faithful and diligent, he would be a friend to me, for his mother's sake...”) [17, p. 43], но не настолько, так как заслуживающая уважения экономка, миссис Джервис, дама благородного происхождения, пережившая утраты и потери и вынужденная содержать себя, также глубоко почитаема в Бэдфордшире (“...knowing her to be a gentlewoman born, though she has had misfortunes...”) [17, p. 49]. Поначалу сквайр щедр со всеми в своем поместье, он не только выплатит годовое жалование, облачит в траурные платья близких, дорогих сердцу его матери слуг, но и великодушно с особой широтой одарит миссис Джервис и Памелу. Они получают многое из одежды госпожи, а Памела еще вдобавок богатое платье, полдюжины рубашек, шесть тонких платков, три батистовых и четыре повседневных голландских передника (“...a suit of my late lady's clothes, and half a dozen of her shifts, and six fine handkerchiefs, and three of her cambric aprons, and four holland ones...”) [17, p. 49]. Теперь девушка будет уже уверена, что слухи о необузданности сквайра неправдивы (“...he was once thought to be wildish; but he is now the best of gentlemen, I think!”) [17, p. 45], а он, скорее, лучший джентльмен, истинный ангел (“...he looked like an angel...”) [17, p. 50]. Сквайр на этом не остановится, удивит Памелу и предложит ей в память о матери принять ее изысканные наряды. Однажды он позовет ее наверх, в комнату матери и опустошит содержимое шкафов, передаст Памеле прелестные вещи ее госпожи: два головных убора из тонкого кружева, три пары шелковых туфель с серебряными пряжками и несколько разноцветных лент, приведет ее в смущение тем, что даже позаботится об изящных и красивых чулках для девушки (“...two suits of fine Flanders laced headclothes, three pair of fine silk shoes, two hardly the worse, and just fit for me,... and the other with wrought silver buckles in them; and several ribands and top-knots of all colours; four pair of white fine cotton stockings, and

three pair of fine silk ones; and two pair of rich stays...” [17, p. 50–51].

Тревога Памелы, к сожалению, станет явью переживаний (“...I was quite astonished, and unable to speak... I was inwardly ashamed...” [17, p. 51], тем более что сестра хозяина, леди Дейверс, зная, вероятно, характер своего брата и предчувствуя драматизм отношений между Памелой и сквайром, не сможет уговорить его отдать юную служанку под ее опеку («...My lady would have had me; but my master ... would not consent to it...») [17, p. 53]. После отъезда леди Дейверс отношение к ней молодого хозяина изменится, Памела не будет понимать причины этому, она только напишет в письме к родителям, что едва узнает сквайра, который недобро смотрит на нее (“...how he, by sly mean degrees, exposed his wicked views...” [17, p. 54]. Девушка с ужасом замечает, как его раздражает ее странная забава, любовь к сочинению писем, что кажется ему причудой, которая не к лицу служанке («I have not been idle; but had writ from time to time... I am watched very narrowly; and he says to Mrs. Jervis, This girl is always scribbling; I think she may be better employed...») [17, p. 54].

Истинная завязка романа соотносится со сценой в саду (“...one day he came to me, as I was in the summer-house in the little garden, at work with me needle...” [17, p. 54], выполненной в стилистике искушения, когда необузданные желания сквайра неожиданно получают отпор и протест со стороны Памелы, которая, пристыдив его (“...all his wickedness appeared plainly. I struggled and trembled, and was so benumbed with terror, that I sunk down...”), укажет на дистанцию между ними, о чем забудет сам сквайр (“I lost all fear ... and said... Well may I forget that I am your servant, when you forget what belongs to a master”) [17, p. 55].

Отношения между хозяином Бэдфордшира и юной служанкой разладятся. Его будет раздражать неуступчивость, гордыня Памелы, по его мнению, лицемерие и притворство девушки, упрямо не желающей быть счастливой, противоестественно, «по-монашески» защищающей собственную добродетель и целомудрие. Сквайр уверен, что наступят дни, когда заблуждения рассеются, и ее доверчивые друзья, экономка Джервис, управляющий Лонгмен, дворецкий Джонатан, подруги Ханна и Рейчел, узнают подлинный характер интриганки: “...she is a subtle, artful little gipsy, and time will shew you that she is...” [17, p. 60]. Однако противиться обаянию, красоте воспитанницы матери, столь даровитой, образованной, а ее обучали музыке, пению, умению танцевать, декорировать комнаты дома цветами, искусству шитья, привили вкус к чтению, довольно трудно. Тем более что Памела бедна, беззащитна, власть сквайра безгранична, а мнение света и высородные богатые соседи традиционно будут на стороне сильного. Вот почему молодой человек не будет сдерживать себя, позволит вольности обнять, подарить поцелуй хорошенькой служанке, взять ее за руку, измучит допросами, насмешками, посмеет вторгнуться в ее комнату, испугает девушку, но не будет испытывать угрызения совести, так как уверен, что Памела его сознательно и ловко искушает (“...the little hypocrite ... she has all the arts of her sex; they were born with her...” [17, p. 67].

Единственное, что беспокоит повесу, это возможность недругов узнать о его легкомысленном поведении, что станет источником неприятных слухов о его семье (“...I am very much displeased with the freedoms you have taken with my name...”) [17, p. 63], и виною этому может быть именно Памела, одержимая страстью писать письма родителям в надежде, что они поддержат ее советом, добрым словом, участием. Сквайр совершит неблаговидные поступки, подкупит друзей искусной белошвейки, тайно будет перехватывать ее письма и прочитывать («...but somebody stole my letter, and I know not what has become of it») [17, p. 54]. Для него это станет занимательным приключением, пока он еще всерьез не воспринимает содержание писем служанки. Юноша не придаст значения тому, что происходит в душе Памелы, она быстро взрослеет, обретает мужество, оскорбления, которым подвергает ее сквайр (отныне он позволяет обращаться к ней уничижительно: “equivocator”, “pretty fool”, “foolish girl”, “the little hypocrite”), вызывают разочарование [17, p. 62, 63].

Памелу угнетает ее положение, она страдает из-за несвободы, ищет сочувствия у родителей («don't your heart ache for me? I am sure mine fluttered about like a new-caught bird in a cage...») [17, p. 65], с тоской вспоминает о прошлом, принимает решение покинуть Бэдфордшир, предпочитая исполненную трудностей, но достойную жизнь (“...sometimes I thought to leave them behind me, and only go with the clothes I had on...”) [17, p. 56–57]. Впервые она остро ощущает чуждость среде, в которой обитает, и задумывается над той ролью в имении, которую ей уготовила хозяйка. Она теперь противится ей, тяжело переживает унижение и пытается восстановить утраченную гармонию существования, которая ей была присуща изначально. Памела желает даже внешне перемениться, вернуть подлинность своей природы. Она отказывается от нарядов, подаренных ей ее благодетельницей, затем сквайром, бежит из зыбкого, несущего ей опасность мира роскоши и праздности в предсказуемое, реальное пространство повседневности, быта, которые ее не страшат. Она понимает, как неуместны были бы ее нарядные платья в доме отца и матери, и на заработанные деньги покупает одежду строгую, новую, но соответствующую ее деятельности и занятиям (...I have a small matter of money, which will buy me a suit of clothes, fitter for my condition than what I have...) [17, p. 68]. В один из дней Памела уединяется в своей комнате, переодевается и предстает перед обитателями имения в новом облике, скромном и естественном. Девушка украдкой смотрится в зеркало и гордится собою, ощущает легкость и покой. В письме она признает, как радостно вернуться к невинности и простоте, ничто не сравнится с этим: “O how I wished for my grey russet again, and my poor honest dress, with which you fitted me out, (and hard enough too it was for you to do it!) for going to this place, when I was not twelve years old, in my good lady's days!” [17, p. 57]. Смиранный ум, полагает она, едва ли потрясает разочарование, и пусть колесо Фортуны не замедляет свой бег (“...an humble mind, I plainly see, cannot meet with any very shocking disappointment, let fortune's wheel turn round as it will”) [17, p. 88].

Исследователи (М. Дуди, К. Оливер, С. Р. Уомик, Дж. Ричетти, М. Кинкид-Уикс, Дж. Джеймс) давно обратили внимание, как важен для Ричардсона «язык одежды», который придает особый смысл и значение поступкам, действиям, героям его романов, а иногда попросту становится сквозным мотивом произведения [6; 13; 14; 16; 18; 19]. Ричардсон в «Памеле» сталкивает в нравственном поединке двух персонажей, и завершится он, к счастью, победой обретения взаимной любви, избавлением от предрассудков, гордыни, ослепления суетным. Но пока еще герои этого не ведают, и, подразнивая Памелу, юный сквайр в роскошном одеянии, в котором намерен отправиться ко двору, как он полагает, пристыдит лицемерную служанку, упрямо не замечающую принятых в свете ритуалов радостного и праздничного общежития («...Pamela...you are so neat and so nice in your own dress, that you must be a judge of ours. How are these clothes made? Do they fit me?») [17, p.100]. Однако эффект этой сцены в романе двойственный. Красоту Памелы скромный наряд не приуменьшит, но и роскошный камзол молодого человека едва ли поможет ему завоевать внимание строптивой девушки (“His waistcoat stood on end with silver lace, and he looked very grand. But what he did last, has made me very serious, and I could make him no compliments”) [17, p.100].

Памела мечтает уехать из Бэдфордшира, тщательно готовится к уходу, стремится сохранить добрые отношения с хозяином, сыном своей прежней госпожи, челядью. Полагая, что находится у порога другой жизни, она желает не совершать более ошибок, быть сильным и цельным человеком, оставляя за собой все, что было призрачным и не столь важным для нее. Героиня соберет свой нехитрый скарб, разделит его на три узла («...I took all my clothes, and all my linen, and I divided them into three parcels...») [17, p.109]. Первый из них – все, что отдано ей благодетельницей, она оставит в Бэдфордшире, как и щедрые подношения сквайра, составившие содержимое второго узла. Третий из них, а это вещи, купленные на ее сбережения, Памела возьмет с собою («...come to my arms, my dear third parcel, the companion of my poverty, and the witness of my honesty...») [17, p. 111], щепетильно отнесется к денежным взаимоотношениям со сквайром, и лишь экономка Джервис уговорит ее сохранить у себя часть денег, которые ей положены как заслуженная плата за труды (“... you have well earned them by that waistcoat only”) [17, p.113].

Владелец Бэдфордшира, не принимая и не разделяя устремлений неразумной служанки, желает помимо ее воли устроить ее судьбу к лучшему, выдать замуж за священника, помочь обедневшим родителям деньгами, вероятно, с тем, чтобы впоследствии благодарная Памела была к нему более снисходительна и благосклонна («...I do assure you: And here I will now give you this purse, in which are fifty guineas, which I will allow your father yearly, and find an employ suitable to his liking, to deserve that and more: Pamela, he shall never want, depend upon it...») [17, p. 118]. Памела отвергает предложение сквайра, однако не знает, что он не найдет в себе силы расстаться с нею. Он похитит Памелу, поместит ее в дальнее поместье и

будет надеяться и добиваться перемены собственной участи.

По мере движения сюжета мотив одежды как бы дополняет тему приобретения Памелой опыта в общении с окружающими. Поначалу упоминания в письмах Памелы об отдельных деталях женского платья возникают случайно и воспринимаются как обыденное событие, расцениваются как щедрый поступок молодого сквайра, смягчающий переживания девушки, тоску об ушедшей хозяйке, к которой она была привязана («These, Pamela, are for you; have them made fit for you, when your mourning is laid by, and wear them for your good mistress's sake») [17, p. 50]. Памела простодушно радуется подаркам, ей льстит, что она может обладать красивыми нарядами, тем более что они так идут ей, и это доставляет ей минуты обыденного счастья. Однако спустя время, когда открываются подлинные намерения легкомысленного мистера Б., и он уже не в силах скрыть чувства к юной служанке, она видит в прежних поступках владельца Бэдфордшира проявление вероломства («He has now shewed himself in his true colours; and, to me, nothing appear so black, and so frightful») [17, p. 54]. Памела теперь вынуждена по-новому выстраивать отношения с хозяином и к своему огорчению начинает понимать, что спокойное добропорядочное существование в усадьбе едва ли возможно. Памела утрачивает наивность, взрослеет, постоянно размышляет о сложности своего положения, она желает быть свободной, стремится строить жизнь, следуя христианским ценностям целомудрия, чистоты, которые важны для нее как условие самоуважения («...I will die a thousand deaths, rather than be dishonest any way...») [17, p. 47]. Памела отбросит тщеславие, откажется от чуждой для себя роли и судьбы, наденет скромное платье, в котором будет походить на хорошенькую работницу или дочь фермера. Много переменится для Памелы Эндрюс в течение того года, который она проживет без своей покровительницы. Ей Памела благодарна не только за великодушие и доброту, но и за преподанные уроки образования («...my good lady, now in heaven, loved singing and dancing; and, as she would have it, I had a voice, she made me learn both; and often and often has she made me sing her an innocent song, and a good psalm too, and dance before her. And I must learn to flower and draw too, and to work fine work with my needle...») [17, p. 108]. Неожиданно она откроет в себе страсть к сочинительству, с увлечением будет рассказывать о происшедшем, делиться эмоциями в письмах, адресованных близким людям, мнением которых она дорожит. И когда не по своей воле окажется в одиночестве в Линкольншире, Памела начнет вести дневник, он станет для нее своего рода спасением и важным источником нравственной саморегуляции и дисциплины. Ему она будет поверять свои мечты, размышлять о современных нравах, делиться опасениями из-за непредсказуемости решений сквайра.

Вымолив у своего господина, как полагает Памела, право на свободу, покидая Бэдфордшир, она принимает подарки дорогих ее сердцу друзей («...Harry carried my own bundle ... to the coach, with some plumb-cake, and diet-bread, made for me over-night, and some sweet-meats, and six bottles of

Canary wine, which Mrs. Jervis would make me take in a basket...”) [17, p. 133], но отданные ей красивые платья и наряды умершей леди оставляет, полагая, что все это скорее будет обременять ее и излишне связывать с прошлым. Памела вдруг осознает, что нелепые и оскорбительные действия мистера Б., те отчаянные поступки, на которые отваживается и она, сопротивляясь его вниманию, определяют не столько привычная социальная иерархия отношений служанки и хозяина, но скорее чувства заинтересованности, любви, которые испытывают друг к другу молодые мужчина и женщина.

В тексте романа возникнут, дополняя друг друга, темы семьи и счастья, проблемы осознания женщиной и мужчиной своей роли в создании любовного союза, затем освященного браком. Явно мотив описания семейных взаимоотношений и сложившихся психологических типов впервые зазвучит в эпизоде посещения Бэдфордшира знатными гостями, когда дамы, отдав дань молве и слухам, из любопытства захотят увидеть служанку, о красоте и образованности которой говорят многие: “...we understand you have a servant-maid, who is the greatest beauty in the county; and we promise ourselves to see her before we go...” [17, p. 84].

Гости останутся довольны, не преминут двусмысленно колкостями задеть Памелу и сквайра (“... I should never care, if you were my servant, to have you and your master in the same house together...”) [17, p. 86]. Также наблюдательна и резка в рассказах о них будет и Памела, ее заинтересует не только их внешность, повадки, манера вести беседу, но и поведение в семье (“The husband of the countess...it seems, is a bad man, and a bad husband, and her ladyship lives very unhappily with him; and this all the world knows; for he is a lord, and above the world’s opinion...”) [17, p. 84].

В прощальном послании друзьям Памела попытается объяснить свое понимание счастья, которое она соотносит с чистотой помыслов, покоем, принятием судьбы. Это прежде всего состояние души, и оно определяется самим человеком. Она сожалеет по поводу тех людей, которые зависимы от внешних обстоятельств, положения в обществе, их всегда преследует боязнь будущего и тревога об изменчивости судьбы. Памела полагает, что люди, не обладающие властью, оказываются более открыты счастью, так как благодать и правда царят в их душах («...I never heard of any couple so happy as you, my dear parents, though you labour so hard for a poor livelihood. But Providence gives one thing to one, and another to another. No one has everything. But to you...is given content; and that is better than all the riches in the world, without it») [17, p. 84].

Во время пребывания в Линкольншире интерес к костюму не будет столь заметен, и упоминание о платье Памелы возникнет лишь по ходу развития сюжета, обретающего здесь авантюрный характер. Памела раздумывает и замышляет побег, изобретательно находит способ переписки с пастором Вильямсом. И с тем, чтобы сбить с толку преследователей, использует несчастный случай, разбрасывает одежду на берегу озера («When I came to the pond-side, I flung in my upper-coat, as I had designed, and my handkerchief, and a round-eared cap, with a knot pinned upon it») [17, p. 210].

Удача отвернется от Памелы, она не сумеет покинуть Линкольншир, сорвется с забора, упадет, нанесет себе раны и разорвет платье («The wall being old, the bricks I held by gave way, just as I was taking a spring to get up; and down came I, and received such a blow upon my head, with one of the bricks, that it quite stunned me; and I broke my shins and my ankle besides, and beat off the heel of one of my shoes») [17, p. 210]. Течение событий прямо не соотнесено с костюмной деталью, хотя драматические повороты в отношениях между молодыми людьми будут связаны со скандальными обстоятельствами, когда сквайр намеренно пожелает смутить Памелу и, воспользовавшись властью, проникнет в спальню и сумеет оценить ее природную красоту.

Наконец, именно сквайр, обескураженный силой характера Памелы, осознав невозможность расстаться с ней, попытается придать отношениям со строптивой, но желанной красавицей в его понимании правовую основу. Он оговорит условия материального содержания Памелы, расскажет о возможной покупке имения для ее родителей, распишет денежные средства, которые будут выделяться ей, укажет на расходы, предполагающие покупку платья, драгоценностей и возможную заботу о детях, которые появятся на свет в их союзе. А в качестве уловки мистер Б. пообещает жениться на Памеле, если задуманная им духовная идиллия, имитирующая их брачный союз, окажется для нее привлекательной («...if your conduct be such, that I have reason to be satisfied with it, I know not (but will not engage for this) that I may, after a twelvemonth's cohabitation, marry you; for, if my love increases for you, as it has done for many months past, it will be impossible for me to deny you any thing») [17, p. 230].

Читатель и сквайр одновременно узнают о негодовании Памелы, о том, как иронично и жестко она отвергнет его предложение («Fine clothes, sir, become not me; nor have I any ambition to wear them. I have greater pride in my poverty and meanness, than I should have in dress and finery. ... I think such things less become the humble-born Pamela, than the rags your good mother raised me from...») [17, p. 229]. К удивлению, молодой человек покорится решению Памелы, в нем произойдут перемены. Он примет ее желание покинуть Линкольншир, но события получают неожиданный поворот. Вопреки предубеждению и гордости между молодыми людьми вспыхнет любовь. И теперь уже по своей воле Памела вернется в Линкольншир, и взаимное чувство преобразит их, а также всех, кто им близок.

В заключительной части романа мотив платья возникнет вновь, но он будет иначе характеризовать Памелу и сквайра. Героиня выкажет полное равнодушие к нарядам, которые предоставит избранник, ей довольно любви и счастья, единства интересов, открывающегося в их общении («...as to dress, as well now, as at all times, it will be a pleasure to me to shew everyone, that, with respect to my happiness in this life, I am entirely the work of your bounty») [17, p. 309]. Она безразлично относится к свадебному наряду, спокойно будет надевать одежду матери своего возлюбленного. Но теперь уже сквайр считает необходимым достойно одарить Памелу и оттенить ее положение и красоту изысканной одеждой, которая лишь поможет ей успешно

утвердиться в новом статусе хозяйки поместья к радости друзей-слуг и весьма либеральных соседей (“... he asked me, if I chose to order any new clothes against my marriage ... I said, I left every thing to his good pleasure, only repeated my request ... that I might not be too fine...”) [17, p. 312]. Роман не потеряет увлекательности, их крепнувшая любовь сотворит чудо. Они оба увидят иначе собственное предназначение, подчинят свое общение уважению к интересам и занятиям другого, и во многом сюжет Памелы в своем завершении неожиданно заиграет красками столь привлекательной легенды о Пигмалионе и Галатее.

Библиографические ссылки

1. Бондаренко Е.А. Повествовательные модели и их роль в сюжетостроении в романах С. Ричардсона: «Памела, или Вознагражденная добродетель», «Кларисса Гарлоу, или История юной леди», «История сэра Чарльза Грандисона»: дис ... канд. филол. наук: 10.01.03 / Е.А.Бондаренко. – М.: РГБ, 2004. – 182 с.
2. Ватченко С. А. Поэтика метатекстуальных аллюзий в «Памеле» С. Ричардсона / С. А. Ватченко // Від барокко до постмодернізму / [відп. ред. Т.М. Потніцева]. – Дніпропетровськ: Вид-во ДНУ, 2013. – Вип. XVII. – Т. 1. – С. 134–141.
3. Зыкова Е.П. Эпистолярная культура 18 века и романы Ричардсона. // Мировое древо. – 2000. – Выпуск 7. – С. 129–154.
4. Рязанцева О. Мир топосов Памелы-1 С. Ричардсона как ключ к пониманию “novel” XVIII века / О. Рязанцева // XVIII век: топосы и пейзажи / [под ред. Н. Пахсарьян]. – СПб.: Алетейя, 2014. – С. 339–347.
5. Рязанцева О.Ю. Жанровая система романов Ричардсона: «Памела-1», «Памела-2»: автореф. дис...канд. филол. наук: 10.01.05 / О.Ю.Рязанцева. – М.: МГУ, 1993. – 14 с.
6. Bender A. Samuel Richardson's Revisions to Pamela (1740, 1801) / A. Bender: A Thesis. - University of North Texas, 2004. – 37 p.
7. Doody M. Introduction // Richardson S. Pamela; or Virtue Rewarded / S. Richardson. – L.: Penguin Books, 1985. – P. 7–20.
8. Doody M. A Natural Passion. A Study of Novels of S. Richardson / M. Doody. – Oxford: Oxford UP, 1974. – 410 p.
9. Fortuna J. The Unsearchable Wisdom of God: A Study of Providence in Richardson's Pamela / J. Fortuna: PhD Dissertation. – University of Florida, 1973. – 128 p.
10. Glaser B. Representations of the Body and the Self in Samuel Richardson's “Clarissa” and Selected Works of Succeeding Writers / B. Glaser: A Thesis. – McMaster University, 1992. – P. 1–40.
11. Gwillian T. Pamela and the Duplicitous Body of Femininity / T. Gwillian // Representations. – 1991. – № 34. – P. 104–133.
12. Hammond B. Making the Novel. Fiction and Society in Britain, 1660–1789 / B. Hammond, S.Regan. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2006. – 268 p.
13. James J. Virtunomics: Class, Virtue and Moral Authority in Pamela, Henrietta, and Evelina / J. James: A Thesis. – University of California, 2011. – P. 1–35.
14. Kinkead-Weeks M. Samuel Richardson. Dramatic Novelist / M. Kinkead-Weeks. – N.Y.: Cornell University Press, 1973. – P. 1–120.